

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 304.444
doi: 10.17223/1998863X/84/8

ПРИОРИТЕТ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В ТЕРМИНОЛОГИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОСНОВНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД

Игорь Борисович Ардашкин¹, Александра Игоревна Ардашкина²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *ibardashkin@tpu.ru*

² *ardashkinaai@mail.ru*

Аннотация. Исследуются предметная специфика и функции терминологии (терминологической деятельности) сквозь призму основных исторических и философских предпосылок последней, а также фактор социальных приоритетов в ее функционировании и развитии. В качестве основных исторических предпосылок терминологии выявлены следующие предметные области и виды деятельности: лингвофилософия (философия языка), становление научной терминологии в период Нового времени, инженерная деятельность, переводческая деятельность. Обосновывается, что приоритет социальных факторов в процессе реализации терминологической деятельности заключается в том, что последние играют решающую роль в сочетании когнитивной и коммуникативной функций терминологии.

Ключевые слова: терминология, исторические предпосылки, социальный приоритет, предметная область, когнитивная функция, коммуникативная функция, социально-философский подход

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 24-28-00048) «Концептуализация стратегий развития терминологии: социально-философские основания и социолингвистический подход», <https://rscf.ru/project/24-28-00048/>

Для цитирования: Ардашкин И.Б., Ардашкина А.И. Приоритет социальных факторов в терминологии сквозь призму основных исторических предпосылок: социально-философский подход // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 77–94. doi: 10.17223/1998863X/84/8

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

PRIORITY OF SOCIAL FACTORS IN TERMINOLOGY THROUGH THE PRISM OF MAIN HISTORICAL PREREQUISITES: A SOCIO-PHILOSOPHICAL APPROACH

Igor B. Ardashkin¹, Aleksandra I. Ardashkina²

^{1,2} *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*

² *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *ibardashkin@tpu.ru*

² *ardashkinaai@mail.ru*

Abstract. The article examines the subject-specific features and functions of terminology (terminological activity) through the prism of the main historical and philosophical premises of the latter, as well as the factor of social priorities in its functioning and development. Considering that today terminology is recognized as a separate independent sphere of human activity, a scientific discipline, a profession that has great prospects in the structure of future specialties, researchers pay attention to the problematic state of the subject field of terminology and seek to clarify it by referring to the types of activity that acted as its historical premises. In addition, it is argued that the diversity of the presented premises through a socio-philosophical approach allows them to be integrated within the space of terminological activity, due to which the problematic aspects of terminological activity in the modern world are clarified. The work aims to identify the historical premises of terminology and show the proximity of the problematic field and functions of the designated historical premises with its similar aspects, as well as to demonstrate that the factor of social priorities is an imperative mechanism for managing and integrating their main subject-specific features and functions in terminological work. The following subject areas and activities have been identified as the main historical prerequisites for terminology: linguophilosophy (philosophy of language), the development of scientific terminology in the New Age, engineering, and translation. These are far from all the historical prerequisites for terminology (for example, linguistics and information technology are not represented), but the above-mentioned grounds most fully express the specifics of terminology's subject field. It is substantiated that the historically first prerequisite for terminology is linguophilosophy, which arose in antiquity. Within its framework the main questions requiring their solution both in the philosophy of language and in terminology are formed: a cognitive question (To what extent is language capable of expressing true knowledge?), a communicative question (To what extent does language contribute to the achievement of understanding by the participants in communication?), and a synthetic (cognitive-communicative) question (To what extent does language contribute to the achievement of both truth and understanding?). The second historical prerequisite is the development of New Age science with its transition to national languages as a linguistic basis for scientific terminology. On the one hand, the necessity of universality of the language of science (terminology) as a way of ensuring the key function of science – achieving truth (cognitive) – is emphasized; on the other hand, there is a complexity of the communicative plan associated with the fact that scientists use different linguistic bases – national languages, which does not contribute to achieving understanding in professional communication, since terminology based on national languages has significant cognitive differences. The third historical premise of terminology is recognized as engineering activity, as a result of which mass production and mass use of engineering products are formed by common people who do not know professional terminology, but, as main consumers, need to master terminology to be able to use products at the consumer

level. Here, the communicative function of terminology is actualized by bringing certain cognitive knowledge and skills to people. Translation activity is considered as the fourth historical premise, in the process of which the communicative function is dominant, but the cognitive function should be preserved to the extent that the translation allows preserving the truth of the knowledge being translated from one language to another. It is substantiated that the priority of social factors in the process of implementing terminological activity lies in the fact that these factors play a decisive role in combining the cognitive and communicative functions of terminology. An analysis of the historical prerequisites of terminology confirms this thesis.

Keywords: terminology, historical background, social priority, subject area, cognitive function, communicative function, socio-philosophical approach

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00048, <https://rscf.ru/project/24-28-00048/>

For citation: Ardashkin, I.B. & Ardashkina, A.I. (2025) Priority of social factors in terminology through the prism of main historical prerequisites: a socio-philosophical approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 77–94. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/8

Терминология как самостоятельная сфера деятельности (в качестве науки и социальных практик) играет все большую роль в развитии общества. Специалисты, призванные заниматься терминологией и терминологической работой, считаются представителями перспективной специальности будущего. Однако далеко не сразу возникает понимание того, почему статус терминологии обретает такую актуальность и что имеется в виду, когда говорят о социальных приоритетах терминологической деятельности [1].

Цель статьи – на примере выявления исторических предпосылок терминологии и их анализа уточнить предметную область и функциональные аспекты последней. Это позволит лучше понять обстоятельства и исторические условия возникновения терминологии в качестве самостоятельной сферы деятельности (в качестве науки и социальных практик), а также объяснить, чем обусловлено повышение роли последней в развитии современного общества.

Следует уточнить, что авторы понимают под приоритетом социальных факторов терминологии (терминологического планирования) и ее историческими предпосылками. Под приоритетом социальных факторов подразумевается, что последние (структурная дифференциация общества, ценностные приоритеты, право, профессиональные стандарты, образование, язык, этничность и т.д.) играют ключевую роль как по отдельности, так и совокупно в формировании терминологии, терминологического корпуса, в определении императивов терминологической политики и терминологического планирования по отношению к лингвистическим, когнитивным и коммуникативным аспектам последней. Это не значит, что ее лингвистические, когнитивные и коммуникативные аспекты и способы использования совсем не влияют на терминологию, данные факторы очень существенны для нее. Но это значит, что они обладают большей зависимостью от социальных особенностей их применения, так как специфический характер последних задает «особый социальный регистр» интерпретации терминологии.

Например, взять термин «шампанское», под которым в мире подразумевают вид игристого вина, произведенного из сортов винограда, выращенных на территории французского региона Шампань методом вторичного броже-

ния его в бутылке. Однако в России, например, таким термином могут называть свою продукцию только отечественные производители данного напитка, чья продукция может быть сделана из отечественных сортов винограда, тогда как иностранные производители с 1 января 2021 г. должны обозначать свою продукцию как игристое вино, даже если оно было сделано из сортов винограда, выращенных в Шампани. Не вдаваясь в нюансы такого решения, обратим внимание на то, что правовая норма (Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. N 436-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции“») выступила важнейшим социальным императивом для когнитивного, коммуникативного и лингвистического аспектов термина «шампанское», кардинально меняя его познавательную, семантическую и коммуникативную составляющую, которую необходимо учитывать в процессах формирования и реализации терминологической политики и терминологического планирования в рассматриваемой отрасли экономики (и не только).

Под историческими предпосылками терминологии мы понимаем философские, научные, профессиональные, культурные практики и знания, в рамках которых формировались вопросы, решаемые сегодня в сфере терминологии и терминологической работы. К таким вопросам относятся вопросы когнитивного плана (терминология как атрибут истинного знания), коммуникативного плана (достижение понимания между участниками взаимодействия на терминологическом уровне как по семантическому критерию (область концептов), так и по переводческому критерию (терминология на разных национальных языках)), профессионального плана (профессиональная коммуникация между специалистами данной сферы; профессиональная терминология для массового потребителя). В качестве таких основных исторических предпосылок нами рассмотрены сферы лингвофилософии (философию языка), научной терминологии, инженерной и переводческой деятельности. Мы сознательно не касаемся таких исторических предпосылок, как лингвистика и информационные технологии, поскольку полагаем, что эти предпосылки в меньшей степени влияют на формирование предметного поля терминологии, представляя больше методологические аспекты осуществления терминологической деятельности.

Социально-философский подход заключается в том, что позволяет на основе ряда философских и социально-гуманитарных концепций, представленных в статье, интегрировать рассматриваемые исторические предпосылки в единое предметное поле и функционал терминологической деятельности.

Лингвофилософия (философия языка) как историческая предпосылка терминологии. Лингвофилософия (философия языка) – область философского знания, в рамках которой язык предстает в качестве предмета философского изучения, поскольку данный феномен касался многих важнейших ее аспектов (онтологического, эпистемологического, аксиологического, праксиологического, антропологического). Во-первых, сам язык представлял собой своеобразную реальность (язык – дом бытия). Во-вторых, выступал в качестве инструмента, используемого человеком для описания (познания) мира (использование пропозициональной функции языка). В-третьих, являлся

важнейшим средством взаимодействия между людьми, которым последние могли пользоваться с разной степенью владения (коммуникативная и прагматическая функция). В-четвертых, выступал одним из критериев идентификации человека в качестве представителя особого рода живых существ, демонстрирующего его разумность (антропологическая функция).

Терминологический аспект философии языка также стал формироваться вместе с появлением философии как отдельного типа мировоззрения и знания. Дело в том, что для появления философии потребовалось создание соответствующей терминологии, которую пришлось формировать фактически на пустом месте, когда для слов (терминов) повседневного языка конструировались соответствующие семантические, когнитивные, культурные и другие составляющие. Они и позволили создать новую терминологию, которая представляла предметное поле как философии вообще, так и философии языка в частности. По словам А.В. Ахутина, «философ, сколь бы отвлечена его мысль ни была, вынужден, читая классический текст, погружаться в филологию. Тем более если речь идет о Древней Греции, где язык философии остается глубоко укорененным в стихии повседневного языка и всей словесной культуры. Но вот что при этом не стоит упускать из вида: филолог, переводя (или читая) философский текст, тоже вынужден входить в особую работу мысли, поскольку речь идет не просто о словах, а о понятиях, *впервые* появляющихся на свет *вместе* со своим „понимаемым“, означаемым. Философские „существа“ добываются мыслью, но мысль добывает их в недрах языка. Философские „имена“ делаются из слов повседневного языка, но что они значат, знает только изобретающая их оригинальная мысль» [2. С. 315].

Но в ситуации становления философии языка терминологический аспект вряд ли осознавался как специальное и отдельное направление ее развития. Другое дело, что уже на стадии появления этой предметной области ставились вопросы, которые позже возникли в рамках терминологической деятельности, а достигнутые результаты нашли в ней свое применение. Также можно продемонстрировать определяющую роль социальных аспектов в решении вопросов, имеющих значение для современной терминологии.

Конечно, обращение к лингвофилософии как исторической предпосылке терминологической деятельности в рамках статьи носят ограниченный и избирательный характер, но, по мнению авторов, несколько примеров позволит показать, по каким причинам последнюю можно считать таковой. Мы обратимся к античной философии языка (на примере диалога Платона «Кратил») и к философии языка позднего Л. Витгенштейна (к проблемам языкового значения как употребления и следования правилу). Выбор этих примеров не случаен, так как важно показать, что на протяжении своего функционирования философия языка периодически в разном контексте сталкивалась с необходимостью учитывать социальный фактор в качестве одного из определяющих.

Другое дело, что далеко не все исследователи согласны с тем, что философия языка формируется в античную эпоху. Но для подтверждения обоснованности подобного суждения сошлемся на то, что такая точка зрения имеет место быть, и авторы здесь не одиноки. В частности, Е.А. Найман полагает, что «философская теория языка, ставшая частью интеллектуального наследия современной науки, впервые сформировалась в греко-римской Античности.

Правда, некоторые исследователи сомневаются в разработке греческими мыслителями полноценной философии языка, полагая, что в целом их интересовали внешняя реальность и способы ее постижения человеческой мыслью. Язык отражал иные регионы, будучи скорее инструментом, нежели самостоятельным объектом исследования. Тем не менее именно греки определили предметную область лингвофилософии, связанную с «языком» как абстрактным объектом, конкретизировав свои теоретические интересы [3. С. 36].

Обращение к диалогу Платона «Кратил» обусловлено тем, что здесь с самого начала рассматриваемой традиции определены подходы к языку сквозь призму философской проблематики. В диалоге поднимается проблема правильности имен (слов) по отношению к тем вещам (предметам), которые они обозначают. Следует уточнить, что имя в античной культуре равнозначно слову (сейчас в лингвистике различаются имена собственные и имена нарицательные, но в Древней Греции такой дифференциации не было).

В диалоге можно выделить три подхода к проблеме правильности имен, каждая из которых представлена одним из его участников (Кратил, Гермоген и Сократ).

По Кратилу, связь между именем (словом) и вещью носит естественный характер, поскольку устанавливается природой. Позиция «своеобразного античного реализма», строящегося на убеждении, что сущность вещи отображается (должна отображаться) ее именем (словом).

По Гермогену, связь между именем (словом) и вещью носит условный характер, поскольку в одном полисе (обществе) одна и та же вещь может носить разные имена и обусловлена особенностями мировосприятия людей, а не природной необходимостью. Позиция «своеобразного античного релятивизма», строящегося на идее конвенционального установления имен (слов).

По Сократу, связь между именем (словом) и вещью может иметь и природный, и условный характер, но при этом нельзя сказать, что характер и условия совмещения природного и конвенционального способов связи, по мнению античного философа, строго определены. Это значит, что природная сущность признается им в качестве основы происхождения имени (слова), но поскольку подлинная природа мира невидима для человеческого «глаза», вечна и неизменна, в процессе познания для нас актуализируется только ее неподлинная (чувственная) сторона, что и может приводить к допущению условного характера связи имени (слова) и вещи.

Таким образом, проблема правильности имени во многом определяется тем, на какую реальность (природу) обращено наше познание. Е.Д. Матусова пишет: «...однако в вопросах познания Сократ с Кратилом не согласен, ибо не считает, что гераклитовская концепция вечного течения и становления мира единственно правильная (по мысли платоновского Сократа, в вечном становлении находится только видимый мир, тогда как истинное бытие, которое единственно, может и должно быть познано, неизменно и постоянно). Так намечается проблема, которая более четко обозначается к концу диалога: к какой именно реальности – видимой или невидимой – относятся слова человеческого языка» [4. С. 432].

Поэтому, по Сократу, условный характер связи имени и вещи не может быть дан на откуп простому (неопытному и неподготовленному) человеку.

Этим должен заниматься специальный человек, который имеет большой жизненный опыт. Таким человеком должен быть законодатель, т.е. тот, кто имеет опыт работы над законами и определения какого-либо порядка (в социальном плане). Как уточняет Платон устами Сократа, «законодатель, о котором мы говорили, тоже должен уметь воплощать в звуках и слогах имя, причем то самое, какое в каждом случае назначено от природы. Создавая и устанавливая всякие имена, он должен также обращать внимание на то, что представляет собою имя как таковое, коль скоро он собирается стать полновластным учредителем имен. И если не каждый законодатель воплощает имя в одних и тех же слогах, это не должно вызывать у нас недоумение» [5. С. 621].

По Сократу получается, что установлением условной связи между именем (словом) и вещью должен заниматься не просто рядовой человек, а особенно подготовленный и опытный, наделенный социальным бэкграундом (законодатель), при этом и он может ошибаться, поскольку допускается, что разные законодатели могут видеть природное предназначение вещи по-разному.

Таким образом, на этапе становления лингвофилософии в Античности формируется несколько подходов в отношении природы языка, которые имеют разное понимание способов имени (слова, термина) выражать реальность. И эти подходы можно рассматривать как по-отдельности (как подход Кратила и Гермогена), так и в совокупности (подход Сократа). Условно говоря, на уровне имени язык может выполнять когнитивную функцию, ориентируясь на истинность выражения сущности вещи последним (Кратил); может выполнять коммуникативную функцию, ориентируясь на формирование понимания людьми сущности вещи посредством имени на основе конвенции (Гермоген); может совмещать когнитивную и коммуникативную функции имени, ориентируясь на природную и социокультурную (условную) сущности вещи (Сократ). Чтобы люди понимали друг друга на основе истинных знаний, представленных именами (словами, терминами).

Важно отметить, что уже на этапе становления лингвофилософии социальный приоритет в наименовании вещей (своеобразный аналог античной терминологической работы) определяется рядом социальных факторов: конвенциями и законодательной деятельностью (метафорически). Фактически наличие таких подходов по отношению к философии языка обусловит сходный характер терминологической деятельности в дальнейшем.

Также важно отметить, что круг лиц, которые интересовались проблемами языка как предмета философии, был очень узким (небольшое количество интеллектуалов). Эта констатация необходима, потому что количество людей, задействованных в коммуникации и связанных в ней использованием определенного терминологического корпуса (имен, слов, понятий), существенно влияет на статус последнего, на что будет обращено внимание при дальнейшем рассмотрении других исторических источников терминологической деятельности.

То, что социальные факторы учитываются в рамках лингвофилософии и позже, демонстрируют проблемы, анализируемые на современном этапе философии языка. Обратимся к позднему Л. Витгенштейну и его концепции языкового значения как употребления и проблеме соответствия правилу, а

также к некоторым линиям дискуссии, вызванной трактовкой С. Крипке этого вопроса.

Для этого важно уточнить, что концепция позднего Л. Витгенштейна отличается от его ранних взглядов (времени «Логико-философского трактата»), а также от позиций Г. Фреге и Б. Рассела, где исследователи рассматривают семантические вопросы языка как таковые, связанные с грамматической структурой языка и ее возможностями представлять значение языкового выражения [6. С. 69]. Тогда как позже Л. Витгенштейна интересует другая проблема – значение языкового выражения в процессе применения последнего в коммуникации (отсюда и название этого подхода – «проблема языкового значения как употребления»). Ему важно понять, что происходит со значением языкового выражения в процессе его использования в коммуникации.

Поскольку коммуникация представляет собой определенную социальную практику, значение языкового выражения зависит не столько от грамматики языка, сколько от характера социальной практики и ее условий. Как пишет В.А. Суровцев, «поскольку употребление выражения предполагает участие в определенной языковой игре, то различие в правилах и условиях протекания таких игр порождает сдвиг значений в зависимости от условий социальной практики, в которую вплетен язык. Невозможно говорить о едином значении одного выражения вне зависимости от условий его употребления. Можно говорить только о некотором семейном сходстве значений одного и того же выражения, которое используется в разных случаях» [7. С. 139–140].

В данном примере важно подчеркнуть: косвенным образом обращение к позднему Л. Витгенштейну позволяет продемонстрировать, что влияние социальных факторов при оценке семантических и других аспектов языковых выражений не просто имеет место в современной лингвофилософии, но и играет одну из ведущих ролей в исследованиях аналитических философов. При этом нельзя не отметить, что осознание подобного влияния и в каком-то смысле его очевидность не снижают степень актуальности и важности данного вопроса, поскольку проблема такая ставится, но какого-то более-менее внятного ее решения не выработано.

Проблема установления значения языкового выражения поставлена с учетом социального аспекта как проблема соответствия правилу, поскольку правило имеет регулятивную функцию, связанную с его соблюдением или несоблюдением. Но для соблюдения правила нужно понимать, что оно из себя представляет. А с этим в отношении социального и коммуникативного контекста его применения возникает сложность, поскольку у того же Л. Витгенштейна, с одной стороны, значение языкового выражения понятно участникам коммуникации, если они следуют одному и тому же правилу, а с другой стороны, в чем это правило заключается и как его соблюдать, ничего не говорится. Поэтому если коммуниканты вдруг начинают пользоваться разными правилами, а этот процесс носит имплицитный характер, то степень непонимания быстро возрастает. Как уточняет В.А. Суровцев, «у Л. Витгенштейна проблема поставлена, но явно предлагаемого решения – нет. Действительно, он нигде не дает формулировку того, что такое правило, и уж тем более не формулирует критерии, позволяющие определить, что значит следовать этому правилу» [8. С. 51].

Не случайно, что отсутствие определения правила в «Философских исследованиях» и других поздних работах Л. Витгенштейна привело к бурной дискуссии, вызванной разными подходами к его трактовке С. Крипке, Г. Бэйкером, П. Хакером, Н. Малколмом и др. Одним из ключевых аспектов этих дискуссий являлся вопрос о роли социальных факторов в проблеме установления значения языкового выражения, который до сих пор представляется одним из нерешенных вопросов [9].

Авторы не будут погружаться далее в тонкости обозначенной дискуссии, поскольку их задача заключается в том, чтобы продемонстрировать наличие подобного рода проблем в философии языка. Для терминологии же проблематичность подобного рода вопроса имеет важное следствие, связанное с тем, что неопределенность в учете влияния социальных аспектов на значение языковых выражений, сказывается на характере терминологической деятельности, которая осуществляется достаточно непоследовательно. Эта непоследовательность проявляется в том, что терминологи используют то строгие модели терминологической деятельности, построенные на жестких критериях установления значений терминов, то в принципе отказываются от планирования в терминологической работе. Подобное во многом вызвано тем, что в таком историческом источнике терминологии, как философия языка, вопрос о роли социальных факторов на процесс установления языковых выражений поставлен, но не решен в должной мере.

Становление научной терминологии и ее развитие как историческая предпосылка терминологии. Научная революция XVI–XVII вв. привела к становлению нового типа науки – науки Нового времени. Этот тип науки формировался в определенных историко-культурных условиях, которые во многом сказались на его чертах. Важно обозначить данные черты того времени, поскольку становление науки Нового времени имело и важные терминологические следствия.

Предшествующая научной революции эпоха Ренессанса (Возрождения) связана с актуализацией античных знаний и текстов, в результате которой стало понятно, что античный и средневековый типы науки не отвечают требованиям Нового времени (географические открытия, показавшие наличие других миров не только биологического, но и антропологического разнообразия; реформация церкви; новый способ трансляции информации (книгопечатание); становление национальных государств и формирование национальных языков и т.д.). Как пишет историк науки Дж. Поскетт, «до XVI в. европейские ученые черпали знания в основном из древнегреческих и древнеримских текстов. Естественную историю изучали по Плинию, географию – по Птолемию. Но с началом колонизации Америки появилось новое поколение мыслителей, которые положились на опыт как на основной источник научных знаний. Они проводили эксперименты, собирали образцы, устраивали географические опросы. Сегодня этот научный метод кажется очевидным, но для того времени он был новаторским. Сосредоточенность на опыте отчасти стала реакцией на то, что древние авторитеты ничего не знали о существовании Америки. Плиний никогда не видел картофеля, а Птолемей считал, что Атлантический океан простирается до самой Азии. Сегодня мы по-прежнему говорим об „открытиях“ ученых и научном „поиске“. Истоки этой

метафоры – в XVI в., когда научные и географические открытия были неразрывно связаны» [10].

Также важно сказать, что наука Нового времени формировалась как самостоятельный тип мировоззрения и знания (в эпоху Античности и Средневековья философию и науку не отличали друг от друга, они были единым знанием). Это можно подтвердить некоторыми тезисами, имеющими отношение к теме нашей статьи. Во-первых, появляется особая группа населения, идентифицирующая себя в качестве ученых (научных работников), чьей основной целью становится получение истинного знания посредством проведения исследований и экспериментов как специальной формы познавательной деятельности. Во-вторых, появление ученых сопровождается процессами институализации их особого социального статуса, что приводит к появлению соответствующих институций: научных академий, научных периодических изданий, установлению нормативных требований к их деятельности (изучение новых истинных знаний, запрет на плагиат и т.д.).

Естественно, что такие социальные трансформации не могут ни коснуться и вопросов языка науки. Возникает острая потребность в формировании языкового средства, позволяющего обеспечить ключевую коммуникативную функцию научного сообщества – познавательную. Эта потребность приводит к формированию научной терминологии, которая способна формулировать истинные результаты познавательной деятельности.

Параллельно возникает и потребность в понимании того, на каком языке научная терминология будет основываться. Если в античное и средневековое время подобными языковыми основаниями являлись древнегреческий язык и латынь, что говорило о достаточно небольшом круге людей, занимающихся философией (наукой), то в условиях формирования национальных государств (соответственно, национальных языков) возникает потребность использования каждого такого национального языка в качестве основы для научной терминологии. Во-первых, это свидетельствует о том, что для занятий наукой не требуется учить отдельный язык (латынь, например), что являлось сильным сдерживающим фактором для осуществления научного познания. Во-вторых, демонстрировало, что число ученых существенно может возрасти, так как для этого не надо учить отдельный язык. В-третьих, появлялась потребность в способности каждого национального языка выражать истинность получаемого научного знания.

Последний аспект связан с двумя факторами. Первый – умение национального языка универсально выразить истинное знание, исключая субъективные (индивидуальные и социокультурные) искажения в результатах познания. Второе – соблюдение универсальности истинного результата при переводе с одного национального языка на другой. Второй фактор мы рассмотрим чуть позже, когда обратимся к переводческой деятельности как источнику терминологической работы. В рамках этого раздела обратимся к первому фактору.

Следует заметить, что поиск совершенного универсального языка – это цель многих интеллектуалов начиная с эпохи Античности. Эти идеи применялись к древнегреческому языку, латыни как наиболее разработанным терминологически языкам. В условиях становления национальных государств и формирования национальных языков данный поиск осуществлялся уже на их

основе. Но эти начинания должны были преодолеть естественный характер национальных языков, и поскольку европейцы уже были знакомы с неалфавитными типами письма (иероглифы, клинопись и т.д.), то усилия предпринимались в рамках сведения всех языков к единому языковому формату. Например, полиграфия А. Кирхера [11].

Важным было и то, что разделение философии и науки на отдельные типы мировоззрения и знания также требовало соответствующих языковых трансформаций. Науке был необходим соответствующий языковой инструмент (терминология) для выражения истинного знания о мире, который способен представить все более открывающееся человеческому взору разнообразие природы. Но и важно было понять, а сохраняется ли у философии собственная функция в отношении языка, не дублирующая его функции в рамках научного познания.

Т. Гоббс, Ф. Бэкон, Г.В. Лейбниц и другие мыслители полагали, что универсальность совершенного языка (каковым теперь считался научный язык) достигается за счет математизации и формализации языка. Такие способы организации последнего, с одной стороны, сохраняли универсальность значений языковых выражений вне зависимости от его национального варианта, с другой стороны, позволяли описывать неограниченное количество природных феноменов, о которых ученые все чаще узнавали в процессе освоения новых территорий земли. Как пишет Г.В. Лейбниц, «теперь же наша характеристика все будет сводить к числам. Она даст нам своего рода статику, чтобы можно было взвешивать и сами доводы разума. Ибо даже вероятности поддаются исчислению и доказательству, поскольку всегда может быть дана оценка того, какое из данных событий вероятнее произойдет в будущем» [12. С. 417–418].

Язык науки строится по принципу таксономий, классификаций, систематизаций (таблиц), позволяющих упростить описание любого опытного знания при его включении в корпус научного знания. Как уточняет М. Фуко в отношении таксономий, «создается правильная таблица, включающая в себя некоторое число точно определенных клеток и конституирующая в некотором смысле программу любого возможного творения (так что настоящая будущая или уже исчезнувшая упорядоченность родов и видов является окончательно зафиксированной); а в первом случае создаются группы родства, остающиеся неопределенными и открытыми, отделенные друг от друга и допускающие недетерминированное число новых форм, сколь угодно близких к уже существующим формам» [13. С. 284].

Фактически то, что предполагают философы и ученые в отношении языка науки, называется сегодня стандартизацией. Последняя является одной из основных функций терминологии и корнями уходит в эпоху становления науки Нового времени и терминологии этого типа научного знания.

Одновременно решается вопрос о том, чем отличается задача философии в отношении языка, если разработка универсального совершенного языка становится задачей науки Нового времени. Ф. Бэкон, считающий индукцию одним из основных методов науки Нового времени, полагает, что старые философские способы совершенствования языка не будут работать. Силлогизмы (по Бэкону, основные способы приведения доказательств в языковых выражениях в рамках наук прошлых эпох) при опоре на индукцию не работают,

поскольку они представляют собой рассуждения, тогда как индукция связана с новым опытом. Он полагает, что «в обычной логике почти вся работа строится вокруг силлогизма. Об индукции же диалектики, кажется, едва ли и подумали серьезно, ограничиваясь поверхностным упоминанием о ней, чтобы поспешно перейти к формулам рассуждений. Мы же отбрасываем доказательство посредством силлогизмов, потому что оно действует неупорядоченно и упускает из рук природу» [14. С. 70–71].

Подлинное описание природы языковыми средствами должно осуществляться на основе специальной науки, задача которой формировать такую структуру языка, позволяющую добиться точного и достоверного знания. Этой наукой, по мнению Ф. Бэкона, должна стать нормативная грамматика, тогда как у философии возникает новая задача, которая связана с изучением основ грамматики (философская грамматика) для определения путей ее совершенствования. Философия языка, согласно английскому философу, связана с необходимостью постоянного мониторинга специальной лингвистической науки в отношении выполнения ею основной функции – функции формирования универсального (совершенного) языка. Как уточняет сам Ф. Бэкон, «мы разделим грамматику также на две части: школьную (нормативную) и философскую. Первая просто используется при изучении языка, помогая быстрейшему его усвоению и способствуя развитию более правильной и чистой речи. Вторая же в какой-то мере дает материал для философии» [14. С. 318].

Получается, что формирование научной терминологии приводит к тому, что эпистемологическая функция становится основной для науки (научной терминологии), тогда как философия языка больше сосредоточена на том, какой тип мировоззрения, знания, деятельности имеет соответствующую функцию языка (терминологии). Также важно уточнить, что количество ученых в период науки Нового времени превышает количество философов (интеллектуалов) эпох Античности и Средневековья, но их число все еще сложно назвать массовым. Поэтому терминология разрабатывается в рамках профессиональных сообществ, что делает их коммуникацию относительно ограниченной.

Инженерная деятельность как историческая предпосылка терминологии. Обращение к инженерной деятельности для нас важно, потому что именно через этот канал человеческой деятельности общество стало не только получать информацию о научно-технологических разработках, но и активно использовать их в своей жизнедеятельности. Несмотря на то, что инженерная деятельность появилась вместе с человечеством, определяя его технологический уклад, активно влиять на жизнедеятельность последнего она стала относительно недавно. Очевидно, что повышение роли инженеров в жизни общества связано и с терминологической составляющей, поскольку использование инженерных разработок должно быть представлено в языковом (терминологическом) формате.

Появление технических (инженерных) наук в XV–XVI вв. также было сопряжено с необходимостью формирования специального терминологического корпуса. Но последний использовался в рамках профессиональной коммуникации и был направлен, как отмечалось выше, на решение когнитивных задач. Другое дело, когда инженерная деятельность стала своеобразным

«мостом» между научно-техническим сообществом и всем остальным социумом. Происходит данная трансформация в процессе индустриализации и установлении новых технологических укладов, строящихся на промышленной основе, которые автоматически меняют характер социальности общества и способы жизнедеятельности. Одна из таких сторон обозначенных изменений – терминологическая.

Изменение жизненного уклада и активное применение инженерных разработок в жизни предполагает необходимость того, что каждый член общества вынужден осваивать эти инженерные разработки в процессе их использования. Это освоение означает, что человек должен ознакомиться с условиями эксплуатации инженерной продукции, следовательно, любая инженерная разработка должна иметь описание того, как она работает и как ее нужно эксплуатировать. Причем язык инструкции к ней должен быть понятен лицам, для которых он предназначен. Поэтому чем больший круг людей мог пользоваться какой-либо разработкой, тем проще должен быть язык (что, как выяснилось, сделать непросто).

Внедрение инженерной продукции с начала XX в. стало носить настолько повсеместный и массовый характер, что привело к необходимости рассмотрения терминологии как отдельной сферы деятельности, основная задача которой – выявить оптимальные способы коммуникации между представителями профессиональных сообществ (ученых и инженеров) и общества в целом, либо в лице каких-либо референтных сообществ.

Иными словами, инженерные разработки и их использование в жизнедеятельности привели к тому, что язык ученых и инженеров (научно-техническая терминология) стал активно употребляться в рамках массовой коммуникации, что, конечно, не могло не отразиться на языке и терминологии этой коммуникации. Не случайно, что именно инженеры осознали проблему использования научно-технической терминологии в таком формате взаимодействия.

Данное осознание привело к вопросу о том, что если терминология разных социальных (профессиональных) групп имеет существенные отличия, то, может, имеются общие моменты, которые свойственны терминологии каждой из групп. По сути, так и возникает идея о рассмотрении терминологии как самостоятельной сферы деятельности. Но изначально вопросы развития терминологии (терминологической политики и терминологического планирования) решались практическим путем, что не способствовало становлению терминологии как самодостаточного вида человеческой активности. Только после оформления первых теорий терминологии последняя обрела такой статус.

Надо сказать, что инженеры в области терминологии видели схожие проблемы с теми, которые решались в рамках философии языка и научной терминологии. Это были когнитивные (достижение истины), коммуникативные (достижение понимания) проблемы, а также синтетическая проблема (достижение и истины, и понимания). Следует уточнить, что в рамках инженерной деятельности основной приоритет был за коммуникативной проблемой. Все-таки инженерная деятельность занимается не столько вопросами познания мира, сколько вопросами использования полученных знаний в научно-технических разработках.

Схожесть решения проблем коммуникации посредством терминологии решалась за счет средств унификации терминологии. О. Вюстер (считается основоположником терминологии) первоначально задавался вопросом единообразия научно-технической терминологии. Он полагал, что нужны стандарты, которые позволят инженерам применять терминологию таким образом, чтобы она была наиболее единообразна. Австрийский инженер посвящает этой проблеме свою докторскую диссертацию, которую он защитил в 1931 г. (*Internationale Sprachnormung in der Technik. Besonders in der Elektrotechnik* (Международная языковая стандартизация в технологиях. Особенно в электротехнике)). Основная идея, направленная на достижение единообразия, – проведение процедур стандартизации (чем-то напоминает идею математизации (формализации) научной терминологии). Так была обозначена первая проблема и способ ее решения.

При этом есть и другая проблема – проблема мониторинга установившегося единообразия значений терминов в процессе их использования. Сфера технологий динамично развивается, что предполагает изменчивость как самих технологий, так и терминологии, с ней связанной. Этот вопрос требует постоянного контроля по использованию терминологии. Для этого создаются различные организации на международном и национальном уровнях, которые занимаются разработкой стандартов и мониторингом их применения.

В 1926 г. была создана Международная федерация ассоциаций по стандартизации (ISA), предшественница Международной организации по стандартизации (ISO), которая, в свою очередь, появилась в 1936 г. как Технический комитет ИСО/ТК 37 (ISA/ТК 37) для формулирования общих принципов и правил стандартизации терминологии. В 1971 г. основан Инфотерм (Международный информационный центр по терминологии при ООН). Это не полный перечень организаций, связанных с вопросами осуществления терминологической деятельности, которые занимаются не только вопросами мониторинга, редукции, но и стандартизации терминологии, тем не менее он демонстрирует степень институционализации терминологической деятельности международным сообществом.

Третья проблема терминологии в процессе реализации инженерной деятельности, с которой в рамках философии языка и научного познания почти не сталкивались, – проблема редукции профессионального языка (терминологии) к повседневному языку (языку массовой коммуникации).

Решение данной проблемы до настоящего времени представляет собой пространство дискуссий (от невозможности такой редукции до демонстрации успешных практик такой трансформации). Инженеры стали привлекать лингвистов для осуществления редукции, но, в свою очередь, это сотрудничество добавило проблем, потому что каждая сторона видела только те аспекты, которые были ей понятны (лингвисты не являются специалистами в области инженерных разработок, им также нелегко даются профессиональные термины последних и т.д.). На рубеже XX–XXI вв. стали появляться теории терминологии, где рассматривались аспекты трансляции концептуальных областей терминологии из одной сферы в другую. Сформировались подходы, но единства в них так и не наблюдается.

Четвертая проблема терминологии в области инженерной деятельности – перевод терминов профессиональной сферы с одного национального языка

на другой. Эта проблема уже имела место в процессе формирования научной терминологии и существует до сих пор. Поэтому имеет смысл обозначить переводческую деятельность как еще одну историческую предпосылку для терминологии.

Переводческая деятельность как историческая предпосылка терминологии. Переводческая деятельность (специалисты в этой области) сегодня, как и терминология, претендует на самостоятельный статус в качестве научной дисциплины. Сколько существует человечество, которое использует язык (языки) в качестве средства коммуникации, столько существует проблема перевода и необходимость осуществления последнего качественным образом. В свое время Цицерон, Иероним Стридонский, Джон Уиклиф, Мартин Лютер, Этьен Доле и другие занимались вопросами перевода как в практическом, так и в теоретическом плане. Чем ближе к нашему времени, тем больше людей (чья известность не столь велика, поскольку перевод становится более повседневным и менее сакральным занятием) профессионально и не только им занимаются. Другое дело, что перевод собой представляет и как он может быть осуществлен.

Задача авторов – обозначить эту проблему, не вдаваясь в подробности, поскольку важно уточнить, что переводческая деятельность определяется множеством факторов, в том числе и социальными (в терминологии, прежде всего). Ведь в процессе перевода важно понять, а что, собственно, это такое – перевод, и что переводчик переводит. Ведь сам язык представляет собой особую реальность, и большой вопрос – кто, кому, что, с какой целью и как может перевести.

Когда речь идет об остенсивном способе определения предмета и его переводе с одного языка на другой, то здесь имеет место какой-то предмет внешнего мира, на который можно указать и как-то соотнести слова в языковых вариантах (но и здесь до конца не все может быть понятно, например случай «гавагай» у У.О. Куайна). Но если речь идет об абстрактном предмете или знаке, у которого нет референта во внешнем мире, то ситуация усложняется. Поэтому уже во времена Античности стало понятно, что перевод – это не только лингвистическая и семантическая деятельность. Как пишет О.И. Костикова, «развитие теоретической отрасли науки о переводе сделало возможными и актуальными широкомасштабные исследования в области истории перевода. Лингвистическая теория перевода отошла на второй план, перевод рассматривается в культурном, историческом и социальном контексте, а наука о переводе становится междисциплинарной» [15. С. 318].

Для терминологии переводческая деятельность однозначно имеет социальный приоритет, особенно когда инженеры выступают инициаторами ее осуществления. Во-первых, стандартизация – это критерий для терминологии, вытекающий из специфики научно-технических разработок, чей язык имеет математический и формализованный характер. Инженерный продукт обладает универсальными и, как правило, материальными свойствами, поэтому терминология на разных языках должна предельно точно сохранять сущность значений, предписываемых этому продукту. Отсюда, кстати, и норма из практики терминологической деятельности XX в. и общей теории терминологии О. Вюстера, которая относится не только к терминологической, но и к переводческой деятельности: один концепт – один термин. Оче-

видно, что данная норма носит сильно упрощенный и искусственный характер. Тем не менее много десятилетий она успешно применялась в терминологии, потому что задавалась социальными приоритетами по стандартизации терминологии на международном и национальном уровнях.

Критике этой нормы для терминологии (и для переводческой деятельности) также послужили социальные основания, связанные с пониманием того, что ее соблюдение отражает интересы государственных структур, организаций и групп, имеющих отношение к осуществлению терминологической деятельности. Другие теории терминологии (и подходы к переводу) стали следствием того, что представители иных общественных групп старались оказать влияние на результаты терминологической деятельности. И это сразу привело к дискуссии и фактической отмене представленной терминологической нормы.

Мы не будем углубляться в указанные аспекты, поскольку в предметном плане они выходят за рамки настоящей статьи, но таким способом стремимся продемонстрировать разнообразие предпосылок для формирования терминологии как самостоятельного вида деятельности и научной дисциплины и их социальных приоритетов на примере такой предпосылки, как переводческая деятельность.

Таким образом, рассмотрев основные исторические предпосылки терминологии и осуществив социально-философский анализ последних, можем констатировать, что их предметная специфика и функционал определяют предметную область и основные функции терминологии, интегрируются в ней на основании социальных приоритетов общества. Если для философии языка и науки (научной терминологии) можно обозначить приоритет когнитивной функции по отношению к коммуникативной, что обусловлено отчасти незначительным числом представителей философии языка и ученых в качестве социального фактора (терминология в основном используется в рамках профессиональной коммуникации), то для инженерной и переводческой деятельности коммуникативная функция обладает большей значимостью по отношению к когнитивной, поскольку характер взаимодействия научно-технологического сообщества и всех остальных социальных групп носит массовый характер. Получается, что чем коммуникация сложнее, многочисленнее, тем менее значима когнитивная (семантическая) функция терминологии. Наоборот, чем специфичнее коммуникация (узкая по количеству ее участников), тем выше значимость когнитивной (семантической). И самое главное то, что это соотношение задается социальными приоритетами.

Иными словами, чем больше потенциальная аудитория потребителей терминологической продукции, тем она многозначнее и сложнее, так же как и процесс по ее формированию, использованию и хранению. И наоборот, чем меньше потенциальная аудитория, тем однозначнее и четче терминология для нее и процесс осуществления терминологической деятельности. Это не значит, что все проблемы терминологической работы полностью зависят только от количества людей и групп, для которых последняя реализуется, но имеется в виду, что число пользователей оказывает определенное влияние. Так же, как и факт, что определенные дилеммы в области философии языка, научной терминологии, инженерной и переводческой деятельности решаются не за счет их преодоления профессиональным образом, а за счет социального

регулируемого в тот или иной период общественного развития. Последнее подчеркивает приоритет социальных факторов, которые в области терминологии используются намного чаще и активнее, чем в тех сферах, которые мы рассматривали как ее исторические предпосылки.

Список источников

1. Татаинов В.А. Почему терминоведение, объявленное специальностью XXI-го века в ЕС, выведено из научно-административного обихода в России // Россия в мире: гуманитарное, политическое и экономическое измерение : материалы Всерос. научн. конф. (Москва, 19 марта 2010 г.). М. : Научный эксперт, 2010. С. 1880–1886.
2. Ахутин А.В. «Омонимия» в переводе философских понятий // EINAИ: Философия. Религия. Культура. 2012. Т. 1, № 1/2. С. 351–358.
3. Найман Е.А. О технолингвистических и эпистемологических причинах возникновения греческой философии языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 36–46.
4. Матусова Е.Д. Кратил // Античная философия: Энциклопедический словарь. М. : Прогресс-Традиция, 2008. С. 432–433.
5. Платон. Кратил // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Мысль, 1990. С. 613–681. Т. I.
6. Ардашкин И.Б. «Социальный поворот» в теориях терминологического планирования: социолнгвистические и социосемантические аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 64–80.
7. Суровцев В.А. Реальность лингвистического значения и языковые игры // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2022. Вып. 3 (33). С. 135–144.
8. Суровцев В.А. Следование правилу и социальная теория // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 3. С. 50–55.
9. Ладов В.А. Иллюзия значения. Проблема следования правилу в аналитической философии. Серия: Библиотека аналитической философ. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 336 с.
10. Поскетт Дж. Незападная история науки: Открытия, о которых мы не знали. М. : Альпина Паблишер, 2024. 484 с. URL: <https://www.litres.ru/book/dzheymys-poskett/nezapadnaya-istoriya-nauki-otkrytiya-o-kotoryh-my-ne-znali-70457623/chitat-onlayn/?page=1> (дата обращения: 01.02.2025).
11. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб. : Александрия, 2007. 423 с.
12. Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. М. : Мысль, 1984. 734 с. Т. 3.
13. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
14. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 1977. Т. 1. 574 с.
15. Костикова О.И. История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. 2011. № 2. С. 3–22.

References

1. Tatarinov, V.A. (2010) *Pochemu terminovedenie, ob"yavlennoe spetsial'nost'yu XXI-go veka v ES, vyvedeno iz nauchno-administrativnogo obikhoda v Rossii* [Why terminology, declared a specialty of the 21st century in the EU, has been removed from scientific and administrative use in Russia]. *Rossiya v mire: gumanitarnoe, politicheskoe i ekonomicheskoe izmerenie* [Russia in the World: Humanitarian, Political, and Economic Dimensions]. Proc. of the All-Russian Conference. Moscow, March 19, 2010. Moscow: Nauchnyy ekspert. pp. 1880–1886.
2. Akhutin, A.V. (2012) "Omonimiya" v perevode filosofskikh ponyatiy ["Homonymy" in the Translation of Philosophical Concepts]. *EINAИ: Filosofiya. Religiya. Kul'tura*. 1(1/2). pp. 351–358.
3. Nayman, E.A. (2023) On the technolinguistic and epistemological reasons for the emergence of the Greek philosophy of language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 36–46. DOI: 10.17223/1998863X/74/4
4. Matusova, E.D. (2008) Cratylus. In: Gaidenko, P.P. (ed.) *Antichnaya filosofiya: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Ancient Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Progress-Traditsiya. pp. 432–433

5. Plato. (1990) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works in 4 vols]. Vol. I. Moscow: Mysl'. pp. 613–681.
6. Ardashkin, I.B. (2023) “Social Turn” in the Theories of Terminological Planning: Sociolinguistic and Sociosemantic Aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 72. pp. 64–80. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/72/7
7. Surovtsev, V.A. (2022) The Reality of Linguistic Meaning and Language Games. *ИПАЭНМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ИПАЭНМА. Problems of Visual Semiotics.* 3(33). pp. 135–144. (In Russian).
8. Surovtsev, V.A. (2020) Rule Following and Social Theory. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science.* 57(3). pp. 50–55. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202057340
9. Ladov, V.A. (2023) *Иллюзия значения. Проблема следования правилу в аналитической философии* [The Illusion of Meaning. The Problem of Rule Following in Analytical Philosophy]. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya.”
10. Poskett, J. (2024) *Nezapadnaya istoriya nauki: Otkrytiya, o kotorykh my ne znali* [Non-Western History of Science: Discoveries We Didn't Know About]. Moscow: Al'pina Publisher.
11. Eco, U. (2007) *The Search for the Perfect Language in European Culture.* St. Petersburg: Aleksandriya.
12. Leibniz, G.V. (1984) *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in Four Volumes]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
13. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Translated from French. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya; Universitetskaya kniga.
14. Bacon, F. (1977) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two vols]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
15. Kostikova, O.I. (2011) *Istoriya perevoda: predmet, metodologiya, mesto v nauke o perevode* [History of translation: Subject, methodology, place in the science of translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda.* 2. pp. 3–22.

Сведения об авторах:

Ардашкин И.Б. – доктор философских наук, доцент, профессор отделения социально-гуманитарных наук школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: ibardashkin@tpu.ru

Ардашкина А.И. – лаборант отделения русского языка школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия); студентка факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ardashkinaai@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ardashkin I.B. – Dr. Sci. (Philosophy), docent; professor of the Department of Social Sciences and Humanities, School of Basic Engineering Training, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ibardashkin@tpu.ru

Ardashkina A.I. – laboratory assistant, Russian Language Department, School of Social Sciences, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); student of the Faculty of Foreign Languages, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ardashkinaai@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.02.2025;
одобрена после рецензирования 26.03.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 14.02.2025;
approved after reviewing 26.03.2025; accepted for publication 17.04.2025*